

Для Маэль

1

Элиза

Квартира была тесная, зато расположение отличное. До метро — два шага, до комиссариата — три квартала, а до больницы — пять минут. Только вокзал Монпарнас чуть дальше.

Я разобрала все коробки, вымыла-вычистила «удобства», приклеила бумажку с фамилией на почтовый ящик и начала расставлять посуду, вспоминая предыдущий переезд.

Август, суббота, жара. С дверей воняющего мочой лифта нас приветствует нарисованный пенис огромных размеров. Тома хихикал до пятого этажа, Шарлин бурчала, что лучше бы осталась жить с отцом. Ему было восемь, ей двенадцать.

Первым делом, до того как заносить мебель, я украсила их комнаты, чтобы смягчить травму из-за развода родителей. Тома выбрал обои с космическими кораблями, Шарлин захотела фиалковый узор. Продавец предупредил: комнаты после оклейки нужно проветривать двое суток, чтобы не надыхаться ядовитыми испарениями, лучше переночевать в другом месте. Две ночи мы спали в нашей новой гостиной, положив матрасы прямо на пол.левой рукой

я обнимала сына, правой придерживала дочь, чтобы она не скатилась на паркет. Тот импровизированный кемпинг остался одним из любимейших моих воспоминаний.

Я составляю тарелки в шкафчик, когда в дверях появляется Тома. Мой большой мальчик почти касается макушкой притолоки.

— Не видела мой зарядник, мам?

— Лежит на холодильнике. Ты есть хочешь?

— Можно... — Он пожимает плечами.

Я жестом фокусника достаю из шкафчика плитку темного шоколада. Тома ухмыляется.

Это наш ежедневный ритуал. Мы возвращаемся домой в один и тот же час, сын — из лица, я — с работы. Я отрезаю два толстых ломтя хлеба, кладу на каждый две коричневые дольки и сую на три минуты в печку, чтобы получилась твердая корочка и тающая во рту начинка. Мы не всегда разговариваем за едой — Тома не отрывается от экрана своего телефона, — но чувствуем себя семьей.

— Тебе «поцелуйчик» от Шарлин, — сообщает он, откусив разом полбутерброда.

— Говорил с ней?

— Написал. Она завтра позвонит.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не стереть шоколадную кляксу с его носа. У моего сына 45-й размер ноги, он носит бороду, только что сдал на права и может оскорбиться. Я протягиваю ему салфетку — он отвечает улыбкой. Тома счастлив.

— Ты про время не забыла? — спрашивает он.

Я смотрю на часы — пора.

И возвращаюсь к расстановке посуды...

— Опоздаешь на поезд, ма.

— Успею...

— Ну мам, все будет хорошо, не волнуйся.

Закрываю шкафчик, последний раз медленно (нарочно!) обхожу квартиру, беру сумку, вешаю на лицо улыбку, крепко обнимаю Тома и ухожу из первой в его жизни «самостоятельной» квартиры, куда я только что собственноручно помогла ему переехать. Пройдет несколько часов, и я окажусь на расстоянии шестисот километров от него, в своем пустом доме.

2 Лили

Ты родишься сегодня. Я не готова.

Я пришла на обычный плановый осмотр.

Доктор Малуа был до невозможности улыбчив. Я разделась, легла, положила ноги на «стремена» и попыталась замаскировать смущение беседой. Я всегда готовлюсь к посещению врача. Заранее выбираю сюжет, о котором заведу разговор, как только гинеколог подойдет совсем близко. Тема должна быть достаточно интересной, чтобы отвлечь меня, но не слишком увлекательной, иначе от дела отвлечется он. Сегодня можно было поговорить о жаре, грянувшей в середине сентября, невыносимая погода, можно подумать, июль вернулся, а я набрала двадцать кило и теперь живу... в огромной подмышке, утром десять минут вылезая из кровати и сама себе напоминаю перевернувшуюся на спину черепаху. Сил моих больше нет, хоть бы скорее похолодало, плевать, что придется натягивать колготки, зато при каждом движении не буду обливаться потом, да-да, по три литра жидкости таяю, это не бабье лето, а лето Жанны Кальман!¹

¹ Жанна Луиза Кальман (1875—1997) — старейшая из когда-либо живших на Земле людей, чьи даты рождения и смерти документально подтверждены. Факт увековечен в Книге рекордов Гиннеса. После смерти национальной героини 4 августа 1997 года президент Жак Ширак назвал ее «бабушкой каждого француза».

Шутки выходили такими же неловкими, как я сама.

Потом лицо доктора Малуа вынырнуло из моей промежности, и он больше не улыбался. Молчал. А мне хотелось задать тысячу вопросов. Врач сдернул окровавленные перчатки, налил гель на мой живот, включил монитор аппарата УЗИ и погладил меня по голове. Тут-то я и осознала, насколько все серьезно.

Пока меня везли в операционную, я судорожно пыталась вспомнить все передачи о преждевременных родах, которые, увы, смотрела вполглаза. Каковы шансы семимесячного малыша на выживание? Какие последствия нам грозят?

Мне не хватило смелости задать вопросы, и я уставилась в потолок.

Нами занимаются девять человек. Твой папа уже едет. Надеюсь, он появится раньше тебя.

Акушерка объясняет, что и как будет происходить. Ее голос звучит мягко — таким тоном сообщают плохие новости. Я слушаю и не слышу, смотрю на дверь, надеясь увидеть твоего отца, анестезиолог прокалывает мне иглой спину, я клацаю зубами, они мажут йодом мой живот, я глотаю слезы — ты не должна почувствовать мой страх, не отвожу взгляда от проклятой двери, они складывают мне руки крестом на груди, я шепчу тебе, что все будет хорошо, открывается дверь, ну наконец-то твой папа здесь. Ты тоже.

Тома

21:34

Дорогой, это мама.
Я благополучно добралась.
Не забудь закрыть ставни,
как стемнеет. На всякий
случай. Целую. Мама

22:56

Спасибо за помощь, мам.
Не волнуйся за меня, все
будет путем. Люблю тебя.

22:57

А я тебя еще больше.
Но ставни все-таки запри.
Целую. Мама

3

Элиза

Я шла к своему подъезду, неосознанно шаркая ногами, чтобы хоть чуть-чуть оттянуть момент возвращения, но мне нужно было выгулять Эдуара.

Мой чуждый сын оставил после себя пустоту и своего пса.

Собака весит четырнадцать кило, тринадцать приходится на кишки. По примеру котов и кошек он каждый день делает нам «подношение» (не птичку!).

Я требовала, чтобы Тома забрал пса с собой: «Дорогой, любое животное нуждается в хозяине... Вы не расстанетесь шесть лет, ты не можешь его бросить... Я целый день на работе, ему будет одиноко... Ты начнешь скучать по Эдуару, посмотри в эти глазки, они излучают любовь... Ну же, прояви благоразумие, он перестанет есть и умрет от голода, и это будет твоя вина! Бесчувственный и недостойный хозяин, убийца!» — все оказалось бесполезно. Теперь Эдуар — мой единственный спутник жизни.

Поднимаюсь по лестнице. Лифт слишком быстро доставит меня к порогу квартиры.

Поворачиваю ключ в замке, вхожу — и не вижу Эдуара. Странно — при Тома он вечно подпирал за-

крытые двери, ненавидя их всеми фибрами собачьей души. Так, в прихожей пусто, ковер не смят. В кухне тихо, в гостиной никого. Я готова запаниковать, но тут слышу храп, получаю наводку и на цыпочках иду в комнату Тома.

Стены хранят следы его юношеских увлечений. Рядом с концертной афишей рок-группы висят несколько фотографий в квадратных рамках, неоконченный эскиз граффити и осиротевшие канцелярские кнопки. На белой этажерке красуются запылившиеся медали, последние свидетельницы подвигов сына на гимнастическом помосте. Его первая гитара лежит на полу. Дверцы шкафа распахнуты, и у меня сжимается сердце при виде двух маленьких футболок, рваных джинсов, дико грязных носков и нелюбимого свитера (я связала его, когда Тома постигла первая любовная неудача). На месте, где стояла кровать, — пустота. Исчез письменный стол. А у меня дыра в груди — там, где у человека должно биться сердце.

Эдуар лежит там, где раньше находилось кресло.

Он одним глазом смотрит на меня, а другим обследует потолок. Мы усыновили пса, когда ему было четыре года: это был мой подарок Тома на день рождения, а выбрал он его сам, никого другого не захотел. Я согласилась, когда поняла, что это не блажь, но поставила условие: заниматься зверем будешь сам, без моего участия. Эдуар был самым уродливым существом в приюте. Белая шерсть с желтоватыми подпалинами, уши-радары, зубы в шахматном порядке, глаза, впитавшие всю

скорбь мира с начала времен. Тома был сражен наповал.

— Мама, мы не можем его взять, на нас все будут пальцем показывать! — ныла Шарлин.

— Я-хочу-его! — отрезал Тома.

Моя дочь попыталась соблазнить брата лабрадором, французским бульдогом и прелестным малышом-метисом, но Тома не отступился и выдвинул железный довод:

— Он похож на дедулю.

Мы потеряли моего отца три месяца назад. Тома его обожал. Папа увлекался астрономией, любил природу и часто водил детей на свидание с деревьями, насекомыми и звездным небом. Он умер в свой день рождения. Ему было семьдесят четыре года. Звали его Эдуар.

Собака воспринимает мой взгляд как одобрение, вскакивает и мчится ко мне, оскальзываясь на паркетe, язык болтается, как флаг на ветру. Я не успеваю принять защитную позу: Эдуар отталкивается задними лапами, выгибает спину и достает меня передними, больно царапая когтями.

— Уйди от меня, чертов дурак! — кричу я, и собака расплывается по полу. Когда мы пришли забрать его домой, волонтер в приюте предупредил нас, что с Эдуаром дурно обращались. Он не выносил, когда мы повышали голос, вздрагивал и подскакивал при малейшем шуме, даже если звук издавало его собственное тело. Однажды он описался, когда я включила пылесос. Любовь, как известно, творит чудеса, и к Эдуару со временем вернулась вера в двуно-